

Научная статья
УДК 82-312.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-51
EDN: WIDSDM

Буддийская оптика в романе Натальи Илишкиной «Улан Далай»

Леонид Викторович Дубаков

Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, Университет МГУ-ППИ. 518172, Китай, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1
dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Аннотация. Представленная статья написана в рамках исследования, посвящённого «буддийскому тексту» современной русской литературы, и анализирует роман Н. Ю. Илишкиной «Улан Далай», который содержит большое количество буддийских образов, мотивов и смыслов. Буддийская оптика героев книги определяет их облик и именование, особенности восприятия ими предметного мира и мира природы, понимание характера человеческих отношений. Буддизм, пропущенный сквозь призму сознаний главных героев «Улан Далай», обуславливает также особенности пространственно-временной организации произведения, основанной на противопоставлении обычной и трансцендентной реальности. Буддизм в романе даёт героям возможность менять точку зрения. Менять не только в смысле трансформации восприятия ими советской действительности, но и как место, где оказывается наблюдатель: буддийская вера позволяет им устремляться к мистической стране, обращая к ней свои мысли и оставляя земную реальность. Буддизм у Натальи Илишкиной предлагает ответ на вопрос о причинах и следствиях произошедшего с калмыками и другими народами Советского Союза на рубеже веков и в первой половине XX века. Кроме того, он позволяет преодолеть трагическую историю конкретной семьи и большой страны. Роман «Улан Далай», согласно авторскому определению являясь степной сагой (или семейной хроникой), также может быть назван романом религиозным, поскольку репрезентует систему буддийских этических, философских и метафизических взглядов (в их калмыцком изводе), оказывающихся в экзистенциальной оппозиции к системе взглядов коммунистического учения (в его советской реализации).

Ключевые слова: Н. Ю. Илишкина; «Улан Далай»; буддизм; буддийский текст; буддийская оптика; калмыки; сага; коммунизм

Для цитирования: Дубаков Л. В. Буддийская оптика в романе Натальи Илишкиной «Улан Далай» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 51–58. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-51>. <https://elibrary.ru/WIDSDM>

Original article

Buddhist optics in Natalia Ilishkina's novel Ulan Dalai

Leonid V. Dubakov

Candidate of philological sciences, associate professor, faculty of philology, MSU-PPI University. 518172, China, Shenzhen, Lungang district, Dayunxincheng, Guojidasuyueyuan st., 1
dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Abstract. The article is written as part of a study on the «Buddhist text» in modern russian literature, and analyzes N. Yu. Ilishkina's novel Ulan Dalai, which contains a large number of Buddhist images, motifs and meanings. The Buddhist optics of the book's characters determines their appearance and names, their specific perception of the object world and the natural world, and their understanding the nature of human relations. Buddhism, seen through the prism of the main characters' minds in Ulan Dalai, also determines the specific features of the spatial and temporal organization of the work, based on the contrast between ordinary and transcendent reality. Buddhism in the novel gives the characters the opportunity to change their point of view not only in the sense of transforming their perception of Soviet reality, but also as a place where the observers end up: their Buddhist faith allows them to strive for a mystical land, focusing their thoughts on it and leaving earthly reality behind Natalia Ilishkina's Buddhism offers an answer to the question about the causes and consequences of what happened to the Kalmyks and other peoples of the Soviet Union at the turn of the century and in the first half of the 20th century. It also helps to overcome the tragic history of a particular family and a large country. According to the author, the novel Ulan Dalai, being a steppe saga (or family

chronicle), can also be called a religious novel, as it represents the system of Buddhist ethical, philosophical and metaphysical views (in their Kalmyk version), which are in existential opposition to the system of communist views (in its Soviet implementation).

Key words: N. Yu. Ilishkina; Ulan Dalai; Buddhism; Buddhist text; Buddhist optics; Kalmyks; saga; communism

For citation: Dubakov L. V. Buddhist optics in Natalia Ilishkina's novel Ulan Dalai. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(1):51–58. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-51>. <https://elibrary.ru/WIDSDM>

Введение: буддийский текст

Буддизм в русской литературе существует около двух веков. Буддийское влияние обнаруживается, в частности, в прозе классиков позапрошлого века Л. Н. Толстого и И. А. Бунина, буддизм широко представлен в поэзии рубежа XIX и XX веков. Особенно активно буддизм осваивается русской литературой с начала её современного этапа – от конца 1980-х годов. Новейшая отечественная словесность тоже предлагает множество разнообразных вариантов рецепции буддийских мотивов. В последние годы этим вопросом занимается и литературоведение. Так, среди учёных, исследующих буддизм в русской литературе, можно назвать Р. Ф. Бекметова [Бекметов, 2019], Т. В. Бернюкевич [Бернюкевич, 2010], Г. А. Сорокину [Сорокина, 2005; 2016], М. С. Уланова [Уланов, 2010].

Анализ буддийских образов, мотивов и смыслов романа Н. Ю. Илишкиной «Улан Далай» (2023) в представленной статье производится в рамках исследования, посвящённого «буддийскому тексту» современной литературы, восходящему к концепции «петербургского текста», которая была разработана В. Н. Топоровым [Топоров, 1995], а затем перенесена литературоведами и исследователями культуры из культурно-урбанистической сферы в сферу религиозную [Бекметов, 2019].

Место романа в корпусе текстов о депортации калмыков

В комментарии к интервью, которое дала проекту «Книжная полка» автор романа «Улан Далай», интервьюер Екатерина Петрова, размышляя о литературных корнях произведения, пишет следующее: «...это смесь „Тихого Дона“, „Поднятой целины“, „Они сражались за Родину“ и „Архипелага ГУЛАГа“ с точки зрения буддиста-кочевника» [Петрова, 2023]. Разного рода отсылки к иным текстам, относящимся к большой советской литературе и к литературе современной, в романе «Улан Далай» действительно можно обнаружить, однако нам представляется, что применительно к этой книге важнее оказывается

замечание журналистки именно про точку зрения буддиста. И сама писательница говорила, что во многом для неё это, так или иначе, семейная история, основанная на воспоминаниях свёкра [Рождение..., 2023] и вычитанная троюродным братом мужа, буддийским священником [Мягков, 2023].

Отдельно можно отметить, что роман Натальи Илишкиной, конечно, не первое произведение на тему сталинских репрессий в отношении малых народов. Так, начиная со второй половины XX века складывается корпус художественной литературы, посвящённой депортации калмыков [Манджиев, 2005; Отарова, 2006]. Некоторые из этих произведений содержат схожие сюжетные повороты и ключевые топоры, которые можно увидеть и в «Улан Далае». Их схожесть обусловлена одинаковой судьбой практически всех представителей калмыцкого народа в 40-е годы.

Так, например, в рассказе А. Б. Бадмаева «Голубоглазая каторжанка» (1994), как и в романе А. С. Григорьева «Судьба калмыка», вышедшем в свет в 2011 году, один из важнейших эпизодов происходит в поезде. Калмыки массово под конвоем перемещаются в вагонах в Сибирь, умирая в них от тяжёлых условий, и в фокусе внимания авторов оказывается смерть детей, горе и помешательство их родителей [Бадмаев, 1994]. То же в романе «Улан Далай», где по пути в ссылку умирает малолетняя внучка Баатра – Роза. В повести А. Г. Балакаева «Три рисунка» (1962) под поездом гибнет высланный с мамой в Сибирь мальчик Боря Гаряев [Балакаев, 1997], в «Улан Далае» поезд становится причиной смерти младшего сына Баатра – Дордже. Поезд является здесь символом железной безжалостной государственности, способной походя раздавить живого человека.

Роман «Судьба калмыка» вообще видится одним из произведений, которые, как кажется, однозначно и прямо повлияли на роман Натальи Илишкиной. Калмыки отправлены в Сибирь, но волею судеб, так или иначе, не лишены связи с традицией и религией. Дордже «куда бы ни шел, что бы ни делал, всё молитвы бормочет» [Илишкина, 2023], именно он должен был провести ри-

туалы по умершей Розе. У Анатолия Григорьева в вагоне калмыков оказывается монах-гелюнг, читающий «монотонные молитвы», он провожает в последний путь умершую девочку («полилась его заунывная молитва, просящая всевышнего принять в своё лоно новых пришельцев, покинувших сей мир») [Григорьев, 2021]. Возле него стоит деревянная фигурка Будды, и гелюнгу кажется, что она говорит с ним в такт со стуком колёс поезда: «– Я слышу! Я вижу! Терпите, терпите!» [Григорьев, 2021]. У Натальи Илишкиной это сквозной приём: главы «Улан Далай» открываются звукоподражательными словами или повторяющимися сочетаниями слов. Так, пролог начинается со слов «Улан-далай, улан-далай, улан-далай...» [Илишкина, 2023], созвучных ударам колёс о стыки рельс: слова, являющиеся названием книги, теряют у неё смысловую сторону, но усиливают звучащую, они становятся звуками – выразителями судьбы калмыцкого народа.

Интересно, что в повести В. О. Пелевина «Жёлтая стрела» (1993) в ироническом псевдонаучном тексте «Тотальная антропология» писатель в стуке поездных колёс слышит в том числе слова, прямо или каламбурно связанные с идеей просветления, с чем-то трансцендентным: «... вот как стучат колеса в разных странах мира: <...> В Тибете – „дзог-чен“. В Монголии – „улан-далай“. <...> В Японии – „додеска-дзен“. <...> В Южном Китае – „дэ-и-чань-чань“» [Пелевин, 1993]. Как видно, появляется здесь и пропущенное через религиозную оптику словосочетание «улан далай».

Проговаривается у Анатолия Григорьева также идея, ставшая основополагающей для романа Натальи Илишкиной, о том, что жизнь, традиция «опрокинула всемогущую империю, обещавшую вечную идею коммунизма. Того самого, которого так многие и не увидели, кроме тех идолов, придумавших этот мираж» [Григорьев, 2021]. Калмыки, их государственность, их буддизм сохранились, красная же псевдорелигия в её жестокой реализации осталась в прошлом.

В целом нужно сказать, что Наталья Илишкина, разумеется, написала оригинальный роман, но своими корнями и смыслами он уходит, в том числе, в предшествующую ему литературу о депортации калмыков, созданную русскими и калмыцкими писателями в предшествующие годы.

Методы исследования

При написании работы были использованы метод мотивного анализа и метод литературной герменевтики. Кроме того, анализ романа производился на основе религиозно-аксиологического подхода.

Буддийские мотивы романа

Роман «Улан Далай» содержит значительное число буддийских мотивов («страницы, посвящённые тибетскому буддизму – традиционной религии калмыков, – это как роман внутри романа» [Матвеева, 2023, с. 11]). Так, например, в этом же интервью Наталья Илишкина обращает внимание на принцип именования главных героев – братьев Чолункиных: их имена «буддийского происхождения». <...> Очир и Дордже – означают „скипетр“ как оружие и „алмаз“ как носитель вероучения. Задача Чагдара, каким бы сложным его образ ни был, – собирать „скипетр“ и „алмаз“, держать их вместе» [Петрова, 2023].

При этом интересно, что все три имени имеют один и тот же корень: в их основе лежит тибетское понятие «дордже» или санскритское «ваджра», символизирующее просветление. Братья связаны, в том числе, своей религиозной, буддийской судьбой, играя не только разные роли в семье, но и находясь на разных этапах духовного продвижения к просветлению. Младший брат Дордже – блаженный с малых лет, послушник в хуруле (храме), молитвенник, творящий чудеса при жизни и после смерти. Чагдар – средний брат, стремящийся к спасению и сохранению семьи и в сердечном приступе увидевший облачные очертания Бумбы – калмыцкой Шамбалы, страны бессмертных. Старший Очир – несмирный воитель, гордый и мятущийся, оказавшийся перед смертью под землёй, в угольной шахте, но которому открывается путь на небо.

Но через призму буддизма воспринимают реальность не только три брата, но и их отец Баатр и сын Чагдара – Иосиф, ставший Александром, то есть фактически все поколения Чолункиных – от предков до потомков, – несмотря на то, что внутри себя они сделали разный идеологический выбор и что вокруг активно отстраивается советская жизнь. Сквозь буддийские образы Чолункины смотрят на новую предметную реальность. Особняк в Москве напоминает Чагдару «многоярусный хурул с пристроенным к правому боку добротным купеческим пятистенком» [Илишкина, 2023]. Увидев красноармейцев в буденовках, он вспомнил «шишак Будды» и «уши у будено-

вок точно длинные мочки Будды» [Илишкина, 2023].

Буддийские мотивы находят отражение в портретах героев: перед дракой с гнилозубым «Лицо дяди Очира было зеленым, как у богини Тары» [Илишкина, 2023], Чагдар был «худ, как скрученный свиток, что хранился в мешке дяди Дордже» [Илишкина, 2023] (речь идёт о танкхе, священном буддийском изображении). Герои «Улан Далай» для их детей оказываются похожи на бурханов, а сами бурханы изображаются в романе приближенными к человеку, почти человеческими. Зелёная Тара, богиня сострадания, напоминает Баатру цыганку: у неё «Лицо и фигура, как у цыганки, которую Баатр видел на ярмарке» [Илишкина, 2023]. Перед женитьбой Баатр смотрит на богов и, боясь за красоту своей невесты, сравнивает её с Зеленой Тарой: «У самой-то Тары вон какой нос! Грудь у нее, конечно, слишком велика – некрасиво, но можно всегда камзолом придавить, не будет так торчать» [Илишкина, 2023]. Позже также будет воспринимать Зелёную Тару его внук: «Саньке еще в детстве хотелось дотронуться до ее пышных грудей, да боялся, что кто-нибудь увидит» [Илишкина, 2023]. В восходящем к индийской культуре образе этой богини сдержанным детям-калмыкам трудно разглядеть символизм высокой женственности.

Буддизм в романе воспринимается калмыками как их домашняя религия, связанная с телом, с предметами домашнего быта. Балдыр-хурул «угловатый как сундук» [Илишкина, 2023]. Он же позже ткётся из пара и пыли – «яркий, как хорошее топленое масло» [Илишкина, 2023]. Ранее он же, горящий, развёрнуто сравнивается с человеческим телом: вначале его «дощатая обшивка» отвалилась как одежда, затем «пылало бревенчатое мясо», «потом от храма остался только скелет-остов», после, «в самой сердцевине» [Илишкина, 2023] хурула, загорелся Будда.

Буддийские мотивы можно увидеть и в пейзажах романа. Например, в мае «Небо – как бирюза на священном барабане-кюнде» [Илишкина, 2023], вращающемся молитвенном барабане с мантрами внутри.

Буддизм объясняет в романе причины происходящего с калмыками. По мысли Баатра Чолункина, они оставили своих бурханов (богов), позволили разрушить хурул, потому и оказались в изгнании. И буддизм даёт калмыкам цель: изжить индивидуальную, родовую, общенародную дурную карму, а после смерти оказаться в Бумбе.

Дордже много молится, опасаясь, что не успеет «родовую карму исправить» [Илишкина, 2023]. Очир во время Первой мировой войны должен будет сечь своих, на что отец замечает ему, что это плохая карма. Чагдар убивает пса, охранявшего Джа-ламу, и долго помнит об утяжелении своей кармы. Александр получает наставление от деда: «Чем дальше от власти, тем лучше для кармы» [Илишкина, 2023].

Буддизм в романе – это Учение, противоположное доктрине, которой оправдывается советская власть, обращающаяся к завоевательной и репрессивной практике [Кешфидинов, 2024, с. 221]. Так, идея о смене господствующих социальных классов, озвученная в «Интернационале», вызывает у Чагдара ассоциацию с сансарой, вечным круговоротом иллюзорной реальности: ««...кто был ничем, тот станет всем... А потом опять ничем» [Илишкина, 2023]. В финале по сути комического диалога между Чагдаром, служащим в Ленинградском буддийском храме, и водителем, увидевшим в Колесе Учения и священных ланях мишень и олених (подобно критике Л. Рыжкову, интерпретировавшему свастику на полу буддийского храма в романе как фашистский символ [Рыжков, 2023]), этот последний заключает, что буддизм – вредное учение, ведь как можно «жить во благо всех живых существ» [Илишкина, 2023], если среди них есть злые. Буддизм же – это Учение сострадания и прекращения зла, в частности – прекращения мести. Баатр наставляет Александра: «Если встанешь на путь мести, приготовь две могилы: для врага и для себя» [Илишкина, 2023].

Сопоставление буддизма и советской реальности производится в романе также в пассаже, в котором рассказывается о пробуждении монаха Гьяцо. На колонне Истины страдания Ленинградского буддийского храма установлен репродуктор, из которого доносится трансляция мероприятий, посвящённых годовщине Октябрьской революции, и эта трансляция (по-пелевински) перебивает слова и поступки героев. На трибуну Мавзолея поднимаются Сталин и другие, а Чагдар с колокольчиком лезет вверх к свитку, на котором изображён «победитель смерти» бог Ямантака. Победа советских вождей над смертью являет свою мнимость перед трансцендентной реальностью. Слова Ворошилова о победах и достижениях звучат абсурдно на фоне оживающего монаха, севшего в глубокий затвор на многие годы. Гьяцо с трудом открывает глаза на страдательный мир, а из репродуктора слышится

о гордом взгляде советского колхозника. Монах произносит слово «Оммм», напоминающее о божественном, а снаружи несётся славословие ложному богу Сталину.

Буддизм оказывается в романе истинным учением о спасении в противоположность учению коммунистическому, приводящему людей к разделению на классы и ограничивающему жизнь земным бытием. Чагдар уверовал в коммунизм так, что даже во время покаянной молитвы он задумывается о коммунистическом идеале, помня о его высоких устремлениях: «Пробуждение существ – это и есть коммунизм? Когда от каждого по способностям, каждому по потребностям?» [Илишкина, 2023]. Однако в реальной жизни, как и любой другой враг советской власти, например, «Джа-лама не перерожденец, а вырожденец, каким нет места в завтрашнем коммунистическом мире» [Илишкина, 2023]. Чагдару кажется, что «Ни Христос, ни Будда не оставили людям учения, как сделать жизнь в этом мире лучше. Все обещания – только после смерти. А коммунисты знают, как устроить рай на земле» [Илишкина, 2023]. На это Очир замечает брату, что они «Пока только тащат в ад» [Илишкина, 2023]. По ходу сюжета «Улан Дала» очарованность коммунизмом и сомнения в буддизме уходят от Чагдара.

Буддизм являет ему многочисленные чудеса. Разрушенный до основания хурул отбрасывает полную тень сквозь дорожную пыль, и «ложилась она не с западной, а с восточной стороны, что противоречило всем естественным законам» [Илишкина, 2023]. Завхоз Ленинградского буддийского храма пытается сорвать священное изображение Ямантаки, одного из гневных защитников буддизма, и его «Щека и лысина» оказываются «расцарапаны, будто кто когтями полоснул...» [Илишкина, 2023]. Дордже обуздывает голодных духов, что, по его ощущению, одерживают душевнобольных. Монах Гьяцо после продолжительной медитации реализует тело света: «Контур тела Гьяцо стал вдруг резко сжиматься: раз – шар, два – точка, три – черная прозрачная пустота...» [Илишкина, 2023]. Чагдар, вынужденный исполнять роль Будды, непроизвольно (под «Арию индийского гостя» Н. А. Римского-Корсакова) погружается в состояние глубокой медитации и, как ему чувствуется, взлетает: «Чагдару показалось, что он висит в воздухе, не расплетая при этом ног, и это ощущение бестелесности дарило безотчетную радость» [Илишкина, 2023].

Советская реальность в «Улан Далае» предлагает людям свои чудеса, свою псевдорелигию. После революции калмыки «в храмах вместо Будды портрет Ленина помещают» [Илишкина, 2023]. В «ликвидационной кибитке» Чагдара «вместо свитков с бурханами висят портреты Ленина и Троцкого» [Илишкина, 2023]. Он думает, что «Сталин действует точно, как богиня Тенгри. Сначала расправился с недругами, а теперь уничтожает своих. Ведь есть и мужская ипостась этой Окон Тенгри – бог смерти Яма, он же Эрлик-хан, властелин ада» [Илишкина, 2023]. Богиня Окон Тенгри – это калмыцкая версия буддийской богини Палден Лхамо, гневного божества, защитницы Учения. Метро – это не просто вариант городского транспорта, но «волшебный подземный мир, где в считанные минуты можно перенестись в другое место», это «большевистское торжество над идеей ада, которым пугали грешников все религии. Смотрите, как красив и светел подземный мир» [Илишкина, 2023]. Но эти чудеса губительны для человека – если не в физическом смысле, то в духовном.

Буддизм позволяет роду Чолункиных сохраниться, в отличие от многих других, ослепивших себя верой в безусловную оправданность насилия. Очир, убивший насильника своей жены, и Чагдар, рубивший казаков в Гражданскую и отправлявший «кулаков» в Сибирь, уходят из жизни не в гармонии с собой и с миром, но их судьбы, посмертное заступничество Дордже и Баатра, что умер «как защитник семейной кармы» [Илишкина, 2023], спасли Александра, и Владимира, и Надю, и Валю. И так или иначе позволил сохраниться и всем калмыкам, что вернулись в Сальские степи и отстроили заново свои храмы. Сохраниться им помогло и умение оставлять прошлое позади, преодолевать разрывы [Сорин, 2023]. Неслучайно в финале Александр (Чагдарович) взваливает себе на плечо обгорелый косяк с именами своих близких и идёт вперёд не оглядываясь.

Буддизм в пиковые точки их жизни позволяет им изменить точку зрения – от общего плана к виду сверху, от земной реальности к небесной. Так, например, когда Дордже оказывается раздавлен вагонами, его отец Баатр «словно вышел из тела», «вырос до неба и взирал сверху на лежащего маленькой точкой своего последыша» и «на тысячеязычные жемчужные горы», «за которыми находится божественная Бумба...» [Илишкина, 2023]. Чагдар в смерти с крыльца видит гору, Баатр идёт умирать на курган и замирает на

безымянном холмике. Пространство в «Улан Далае» организовано одновременно и по горизонтали, и по вертикали. По горизонтали герои стремятся на Родину и к воссоединению семьи, где бы ни находились. По вертикали – помнят о возможности попадания в ад и прозревают реальность чудесной Бумбы-Шамбалы.

Время идёт линейно – от 1884 года до 1957-го, – но при этом Баатр помнит свою семью до седьмого колена, а в эпилоге его внук Александр, приехав на джипе, пользуется кнопочным мобильным телефоном и говорит, что найденный на пепелище родного дома дверной косяк с именами его брата и сестёр он покажет внукам. То есть время романа растянуто в точно не установимые семейное прошлое и будущее: семья и мир бытовой предметности [Сироткина, 2024, с. 412] выступают как внеисторическая незыблемость. С другой стороны, время в «Улан Далае» вслед за переходом героев в смерть-посмертие в Бумбе становится вечностью или вовсе перестаёт быть.

Заключение

В заглавие романа вынесено словосочетание «Улан Далай». Екатерина Петрова истолковывает его как красный океан, что «в мифологии калмыков – <...> один из символов ада» [Петрова, 2023]. Действительно, можно сказать, что «степная сага» или семейная хроника Натальи Илишкиной посвящена многочисленным страданиям калмыков, которые метафорически можно представить в калмыцко-буддийских образах горячих и холодных адов, восходящих к «Абхидхарма-коше» Васубандху. Люди мучимы жаром степи, холодом тайги, шулмусами, или демонами, в роли которых выступают охранники, Эрлик-ханом, повелителем ада, которого напоминает Сталин, переживанием собственных прошлых и настоящих деяний.

Но красный океан – это также образ коммунистической идеи, разлившейся по широкому пространству Евразии (одно из значений слова «улан» в калмыцком языке «связано с революцией 1917 года и коммунистическим движением» [Куканова, Омакаева, 2011, с. 47]), идеи, которую разделили многие калмыки и которая разделила многих калмыков. Красный океан – это коммунистическое учение, в идеале имеющее свои достоинства, но в реальной практике способное исказить духовные пути человека.

Коммунизму в его суровом сталинском исполнении в «Улан Далае» противопоставлен

буддизм как традиционная калмыцкая вера. Его этические заветы и метафизические основы сопоставляются с советской действительностью и спокойно одерживают над ней победу. Буддийская оптика сохраняется во всех поколениях семьи Чолункиных и по-своему окрашивает предметный мир романа, портреты персонажей, пейзажи.

Буддизм в «Улан Далае», в отличие от земного коммунистического учения, по-настоящему побеждает смерть, демонстрируя существование вертикального хронотопа (подземное пространство – земля – небесный и занебесный мир, в который можно попасть, например, переплыв «красный океан» [Матвеева, 2023, с. 11] Шартыг из эпоса «Джангар» (третья версия истолкования названия романа)) и линейного времени (времени семьи как объединяющей и взаимодополняющей людей силы [Соловьёва, 2023, с. 71] в прошлом и будущем и времени, что движется от условности своего бытия к своему отсутствию).

Наконец, «красный океан» – это возможный образ-символ калмыцкой степи с её тысячелетиями цветущими в том числе красными тюльпанами, земли, что позвала и вернула калмыков домой, несмотря на то, что выжившие в ссылке осели и постепенно обжились на новых местах. Можно сказать, что «Улан Далай» – это роман о возвращении жизни на круги своя, о выживании и сохранении народа, культуры, семьи, религии как главных, опорных традиционных ценностей.

Библиографический список

1. Бадмаев А. Б. Голубоглазая каторжанка: рассказ. Элиста : АПП «Джангар», 1994. 31 с.
2. Балакаев А. Г. Три рисунка: маленькая повесть // пер. с калм. Александра Исбаха. Элиста : АПП «Джангар», 1997. 53 с.
3. Бекметов Р. Ф. Русская литература 1830-60-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций. Казань, 2019. 411 с.
4. Бернюкевич Т. В. Буддийские идеи в культуре России конца XIX – первой половины XX века. Чита, 2010. 48 с.
5. «Где родина, там наша песня и воля»: тема Великой Отечественной войны и депортации калмыцкого народа в калмыцкой и русской литературе: межвузовский сборник статей / ответств. ред. Р. М. Ханинова; М-во образования и науки Российской Федерации, Калмыцкий государственный университет. Элиста : Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, 2015. 173 с.
6. Григорьев А. С. Судьба калмыка. URL: <https://www.litres.ru/book/anatoliy-grigorev-31095461/sudba-kalmyka-65950897/> (дата обращения: 04.06.2024).

7. Илишкина Н. Ю. Улан Далай. URL: <https://flibusta.su/book/175169-ulan-dalay/?ysclid=lwy8o6hzcm51400970> (дата обращения: 04.06.2024).
8. Кешфидинов Ш. Да наступит вечность // Знамя. 2024. № 1. С. 220–221.
9. Куканова В. В., Омакаева Э. У. Фразеологические и онимические единицы с компонентом цветообозначением улан в калмыцком языке в свете лингвокогнитивного подхода // Научная мысль Кавказа. 2011. №1–2 (65). Ч. 2. С. 44–49.
10. Манджиев Н. Ц. Калмыцкая проза о депортации: концепция человека. Майкоп, 2005. 23 с.
11. Матвеева А. Красный океан // Литературная газета. 2023. 30 августа–5 сентября (№ 34). С. 11.
12. Мягков А. Леонид Юзефович: «Голый человек – это не предмет литературы». Леонид Юзефович и Наталья Илишкина рассказали о своих новых романах: «Поход на Бар-Хото» и «Улан Далай». URL: <https://godliterary.ru/articles/2023/12/01/leonid-iuzefovich-golyj-chelovek-eto-ne-predmet-literatury> (дата обращения: 04.06.2024).
13. Отарова М. Б. Художественное осмысление проблемы депортации: (на материале литератур народов Северного Кавказа и Калмыкии). Нальчик, 2006. 18 с.
14. Пелевин В. О. Жёлтая стрела // Новый мир. 1993. № 7. С. 96–121. URL: <https://magazines.gorky.media/library/viktor-pelevin-zheltaya-strela-povest> (дата обращения: 04.06.2024).
15. Петрова Е. Наталья Илишкина – о кругах ада калмыцкого народа в семейной саге «Улан Далай». URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/296543-natalya-ilishkina-o-krugah-ada-kalmyckogo-naroda-v-romane-ulan-dalay/?ysclid=lwxn2y5569637911294> (дата обращения: 04.06.2024).
16. «Рождение книги»: Наталья Илишкина о новом романе «Улан Далай». Интервью писательницы издательству АСТ. URL: <https://ast.ru/news/rozhdenie-knigi-natalya-ilishkina-o-novom-romane-ulan-dalay/> (дата обращения: 04.06.2024).
17. Рыжков Л. Замазывающая свастику: Наталья Илишкина и её степная сага. URL: <https://alterlit.ru/post/58087/?ysclid=lxxasl72ie645226882> (дата обращения: 04.06.2024).
18. Сироткина Т. А. Традиции духовной культуры калмыков в романе Натальи Илишкиной «Улан Далай» // XI Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: от прошлого к будущему»: Сборник материалов международной научной конференции, 2024 года. Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2024. С. 412–413.
19. Соловьёва Т. Пустые поезда, странные соседи и ложные узнавания // Юность. 2023. № 10 (813). С. 68–76.
20. Сорин Б. А. Пока мы не увязли в борьбе // Новая газета Европа. 27 августа 2023. URL: <https://storage.googleapis.com/novayagazeta-eu/pdf/2023/08/27/poka-my-ne-uviazli-v-borbe.pdf> (дата обращения: 04.06.2024).
21. Сорокина Г. А. Буддизм в европейской культуре первой трети XX века. Москва, 2005. 24 с.
22. Сорокина Г. А. Идеи буддизма в литературе русского зарубежья. Москва : Изд-во «Экон-Информ», 2016. 231 с.
23. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Москва : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.
24. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России (социально-философский анализ). Ростов-на-Дону, 2010. 54 с.

Reference list

1. Badmaev A. B. Goluboglazaja katorzhanka = A blue-eyed convict: rasskaz. Jelista : APP «Dzhangar», 1994. 31 s.
2. Balakaev A. G. Tri risunka = Three pictures: malen'kaja povest' // per. s kalm. Aleksandra Isbaha. Jelista : APP «Dzhangar», 1997. 53 s.
3. Bekmetov R. F. Russkaja literatura 1830-60-h godov v zerkale vostochnyh (buddijskih i daosskih) tradicij = Russian literature of the 1830s-60s in the mirror of Eastern (Buddhist and Taoist) traditions. Kazan', 2019. 411 s.
4. Bernjukevich T. V. Buddijskie idei v kul'ture Rossii konca XIX – pervoj poloviny XX veka = Buddhist ideas in Russian culture of the late XIX – first half of the XX century. Chita, 2010. 48 s.
5. «Gde rodina, tam nasha pesnja i volja»: tema Velikoj Otechestvennoj vojny i deportacii kalmyckogo naroda v kalmyckoj i russkoj literature = «Where the Motherland is, there is our song and will»: the theme of the Great Patriotic War and Kalmyk people's deportation in Kalmyk and Russian literature : mezhvuzovskij sbornik statej / otvetstv. red. R. M. Haninova; M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Kalmyckij gosudarstvennyj universitet. Jelista : Kalmyckij gosudarstvennyj universitet imeni B. B. Gorodovikova, 2015. 173 s.
6. Grigor'ev A. S. Sud'ba kalmyka = The Kalmyk's fate. URL: <https://www.litres.ru/book/anatolij-grigorev-31095461/sudba-kalmyka-65950897/> (data obrashhenija: 04.06.2024).
7. Ilishkina N. Ju. Ulan Dalaj = Ulan Dalai. URL: <https://flibusta.su/book/175169-ulan-dalay/?ysclid=lwy8o6hzcm51400970> (data obrashhenija: 04.06.2024).
8. Keshfidinov Sh. Da nastupit vechnost' = Let eternity come // Znamja. 2024. № 1. S. 220–221.
9. Kukanova V. V., Omakeeva Je. U. Frazеologicheskie i onimicheskie edinicy s komponentom cvetooboznacheniem ulan v kalmyckom jazyke v svete lingvokognitivnogo podhoda = Phraseological and onymic units with the component of color denoting Ulan in the Kalmyk language in terms of linguocognitive approach //

Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2011. №1–2 (65). Ch. 2. S. 44–49.

10. Mandzhiev N. C. Kalmyckaja proza o deportacii: koncepcija cheloveka = Kalmyk prose about deportation: the concept of man. Majkop, 2005. 23 s.

11. Matveeva A. Krasnyj okean = The Red Ocean // Literaturnaja gazeta. 2023. 30 avgusta-5 sentjabrja (№ 34). S. 11.

12. Mjagkov A. Leonid Juzefovich: «Golyj chelovek – jeto ne predmet literatury». Leonid Juzefovich i Natal'ja Ilishkina rasskazali o svoih novyh romanah: «Pohod na Bar-Hoto» i «Ulan Dalaj» = Leonid Juzefovich: «A naked man is not a subject of literature». Leonid Juzefovich and Natalya Ilishkina spoke about their new novels: «Hiking to Bar-Khoto» and «Ulan Dalai». URL: <https://godliteratury.ru/articles/2023/12/01/leonid-iuzefovich-golyj-chelovek-eto-ne-predmet-literatury> (data obrashhenija: 04.06.2024).

13. Otarova M. B. Hudozhestvennoe osmyslenie problemy deportacii: (na materiale literatur narodov Severnogo Kavkaza i Kalmykii) = Artistic comprehension of the deportation problem: (based on the literature of the North Caucasian and Kalmykia peoples). Nal'chik, 2006. 18 s.

14. Pelevin V. O. Zhjoltaja strela = The yellow arrow // Novyj mir. 1993. № 7. S. 96–121. URL: <https://magazines.gorky.media/library/viktor-pelevin-zheltaya-strela-povest> (data obrashhenija: 04.06.2024).

15. Petrova E. Natal'ja Ilishkina – o krugah ada kalmyckogo naroda v semejnoy sage «Ulan Dalaj» = Natalia Ilishkina – about the hell circles of the Kalmyk people in the family saga «Ulan Dalai». URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/296543-natalya-ilishkina-o-krugah-ada-kalmyckogo-naroda-v-romane-ulan-dalay?ysclid=lwxn2y5569637911294> (data obrashhenija: 04.06.2024).

16. «Rozhdenie knigi»: Natal'ja Ilishkina o novom romane «Ulan Dalaj». Interv'ju pisatel'nicy izdatel'stvu AST = «The birth of a book»: Natalia Ilishkina about her new novel 'Ulan Dalai'. Interview with the writer to the publishing house AST. URL: <https://ast.ru/news/rozhdenie-knigi-natalya-ilishkina-o->

[novom-romane-ulan-dalay/](https://ast.ru/news/rozhdenie-knigi-natalya-ilishkina-o-novom-romane-ulan-dalay/) (data obrashhenija: 04.06.2024).

17. Ryzhkov L. Zamazyvajushhaja svastiku: Natal'ja Ilishkina i ejo stepnaja saga = Smearing the swastika: Natalia Ilishkina and her steppe saga. URL: <https://alterlit.ru/post/58087/?ysclid=lxxasl72ie645226882> (data obrashhenija: 04.06.2024).

18. Sirotkina T. A. Tradicii duhovnoj kul'tury kalmykov v romane Natal'i Ilishkinoj «Ulan Dalaj» = Traditions of Kalmyk spiritual culture in the novel «Ulan Dalai» by Natalia Ilishkina // XI Lazarevskie chtenija «Liki tradicionnoj kul'tury v sovremennom kul'turnom prostranstve: ot proshlogo k budushhemu»: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 2024 goda. Cheljabinsk : Cheljabinskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2024. S. 412–413.

19. Solov'jova T. Pustye poezda, strannye sosedi i lozhnye uznavanija = Empty trains, strange neighbors, and false recognitions // Junost'. 2023. № 10 (813). S. 68–76.

20. Sorin B. A. Poka my ne uvjazli v bor'be = Before we get caught up in the fight // Novaja gazeta Evropa. 27 avgusta 2023. URL: <https://storage.googleapis.com/novayagazeta-eu/pdf/2023/08/27/poka-my-ne-uvjazli-v-borbe.pdf> (data obrashhenija: 04.06.2024).

21. Sorokina G. A. Buddizm v evropejskoj kul'ture pervoj treti XX veka. = Buddhism in European culture of the first third of the 20th century. Moskva, 2005. 24 s.

22. Sorokina G. A. Idei buddizma v literature russkogo zarubezh'ja = Buddhism ideas in the literature of the Russians abroad. Moskva : Izd-vo «Jekon-Inform», 2016. 231 s.

23. Toporov V. N. Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literatury» = Petersburg and the «Petersburg text of Russian literature» // Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe. Moskva : Izdatel'skaja gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995. S. 259–367.

24. Ulanov M. S. Buddizm v sociokul'turnom prostranstve Rossii (social'no-filosofskij analiz) = Buddhism in the socio-cultural space of Russia (socio-philosophical analysis). Rostov-na-Donu, 2010. 54 s.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.

The article was submitted on 18.12.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025